

у кромки воды

сара грузэн

у кромки воды

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Кан)-44
Г90

Sara Gruen

AT THE WATER'S EDGE

Copyright © 2015 by Sara Gruen

Перевод с английского *Е. Ракитиной*

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Груэн, Сара.
Г90 У кромки воды / Сара Груэн ; [пер. с англ. Е. Ракитиной]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-88207-6

1944 год. Беззаботная жизнь Мэдди и Эллиса под угрозой: родители больше не хотят содержать их. Чтобы вернуть расположение семьи и доказать окружающим, что они не бездельники, супруги решаются на авантюру – найти Лохнесское чудовище и снять о нем фильм. Так Мэдди оказывается в Шотландии.

Но новый мир – с едой по талонам, бомбежками и «похоронками» – пугает ее. Мэдди больше не может закрывать глаза на ужасы, творящиеся вокруг, и постепенно понимает: монстры, которых мы ищем, могут оказаться ближе, чем нам кажется.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Кан)-44

© Ракитина Е., перевод на русский язык,
2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88207-6

Бобу

'S tusa gradh mo bheatha¹

Ворона — к горю,
К радости —
Коль парой пролетят,
Три — свадьбе быть,
Четыре —
Появится дитя,
Пять — к серебру,
Увидишь шесть —
Получишь золотой,
Семь — к тайне, о которой
Не должен знать никто.

¹ Ты — любовь моей жизни (*эльск.*).

Пролог

*Драмнадрохет,
28 февраля 1942 года.*

АГНЕС МАЙРИ ГРАНТ,
Новорожденная дочь ЭНГУСА и МАЙРИ ГРАНТ
14 января 1942

КАПИТАН ЭНГУС ДУНКАН ГРАНТ,
Возлюбленный супруг МАЙРИ
2 апреля 1909 — января 1942

Скромное надгробие, вытесанное из черного гранита — чего-чего, а гранита в Гленаркете хватало с лихвой даже в нынешние скудные времена.

Майри каждый день навещала крохотный холмик, укрывавший гроб ее дочери, и смотрела, как он оседает. Арчи, камнерез, сказал, что камень еще несколько месяцев будет нельзя поставить, такой мороз на дворе, но гробик был настолько маленький, что земля выровнялась за пару недель.

Едва поставили камень, Майри получила телеграмму про Энгуса, и Арчи снова снял надгробие. Он хотел дожждаться, пока не станет известна точная дата смерти, но Майри нужно было, чтобы все сделали сразу, чтобы было место, где можно плакать о них обоих, и Арчи не смог отказать. Он выбил имя Энгуса под именем его дочери и оставил место, чтобы потом добавить дату смерти, когда узнает. Добавить для отсутствующего,

поскольку Энкус, не то что ребяенок, под этим камнем не лежал и уж точно сюда не ляжет.

Они пришли на кладбище вдвоем, когда Арчи ставил надгробие на место. Мужик он был крепкий, гранитную плиту ворочал только так.

Над Майри скользнула тень, и она поглядела вверх. Высоко над могилами кружила одинокая ворона, казалось, вовсе не шевелившая крыльями.

«Ворона — к горю», —
к ней присоединилась еще одна, потом еще пара.
«К радости —
Коль парой пролетят,
Три — свадьбе быть,
Четыре —
Появится дитя».

Арчи снял шапку и стоял, ломая ее в руках.

— Если мы с Мораг можем что сделать, хоть что-то...

Майри попыталась улыбнуться, но у нее получилось только сдавленно всхлипнуть. Она вытащила из кармана платок и прижала его к губам.

Арчи помолчал, словно хотел еще что-то сказать. Потом в конце концов надел шапку, произнес:

— Ладно тогда. Пойду я.

Твердо кивнул и направился к своему фургону.

Телеграмму доставил Уилли-почтарь, в самый Валентинов день, через месяц после рождения ребенка. Майри как раз наеживала пинту пива за барной стойкой, когда подошла Анна, бледная как полотно, и прошептала, что на крыльце стоит Уилли, а заходить не хочет. Уилли был завсегдаем, так что Майри сразу все поняла, даже к двери не успела подойти и взглянуть ему в лицо. Он устоялся из-под нависающих век ей в глаза, потом перевел взгляд на конверт, который держал в руках. Покрутил его, словно решая, отдавать ли — будто не отдай он конверт, то, что в нем лежало,

станет неправдой. Пару раз конверт подхватывало ветром, и он начинал биться. Наконец решившись протянуть послание Майри, Уилли держал его бережно, словно только что вылупившегося цыпленка. Она вскрыла телеграмму, повернула бланк нужной стороной и позволила взгляду задержаться на фиолетовом штампе с датой — 14 февраля 1942 года, — который Уилли своей рукой поставил меньше получаса назад.

МИССИС МАЙРИ ГРАНТ ХАЙ-РОУД 6 ДРАМ ИН-
ВЕРНЕССШИР ГЛУБОКИМ СОЖАЛЕНИЕМ ИЗВЕЩА-
ЕМ ЧТО ВАШ МУЖ КАПИТАН ЭНГУС Д ГРАНТ СИФОРТ
ХЛ 4 БТ 179994 ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ ПРИЗНАН ПОГИБ-
ШИМ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ 1 ЯНВАРЯ 1942 ПОДРОБ-
НОСТИ ПИСЬМОМ ОЖИДАЙТЕ

Она осознала только три вещи: Энгус, погиб и дату. И этого было довольно.

— Мне так жаль, Майри, — почти шепотом произнес Уилли. — Тем более что оно так скоро после...

Его голос пресекся. Мужчина поморгал и отвел взгляд, ненадолго остановившись на ее животе, прежде чем снова уставиться себе на руки.

Она не могла ответить. Тихо закрыла дверь, прошла мимо притихших земляков в кухню. Там прислонилась к стене, одной рукой обхватив пустой живот, а во второй зажав бумажку со смертью Энгуса. Ей и вправду казалось, что в этой бумажке смерть, а не просто известие о ней. Энгуса не было в живых уже больше шести недель, а Майри об этом не знала.

За время, что прошло с прихода телеграммы до возвращения на место памятника с именем Энгуса, Майри начала винить Уилли. Почему он решил отдать ей телеграмму? Она же видела, что он колебался. Так он был бы виновен, самое худшее, в том, что сошло бы за ложь умолчания, особенно если бы это значило, что Майри может по-прежнему верить, что Энгус где-то там, живой. Пусть и занят чем-то, чего она не в силах понять, чем-то, что могло его изме-

нить, страшно, как тех, кого уже отправили домой. Она могла бы верить, что он жив, и потому все можно исправить, ведь не было ничего, на что не хватило бы ее любви, вернись он домой.

Ей солгали про ребенка, и она не противилась.

С тех пор как Майри впервые ощутила, что ребенок шевельнулся, она остро воспринимала каждое его движение. Месяцами она дивилась холмикам, вздымавшимся на ее животе, толкавшим ее изнутри — локоть, а может, коленка, — подземной силе, постоянно менявшей пейзаж ее тела. Мальчик или девчоночка? Кто бы там ни был, он уже был упрямым. Она помнила, как ей однажды пришло в голову, что он уже много часов не шевелится, в Новый год, подумать только. Ровно в полночь, когда Иэн Макинтош взялся за волюнку, чтобы сыграть первые ноты «Auld Lang Syne», за мгновение до того, как ответный рев долетел от дверей Донни Маклина, Майри стала тыкать себя в живот, чтобы разбудить ребенка, потому что слышала, что нерожденные дети тоже спят. Она кричала на него, верещала, и, наконец, поняв, что происходит, обняла живот и заплакала. Через тринадцать дней у нее начались схватки.

Роды она помнила смутно, потому что акушерка дала ей горького чая с белым порошком, а доктор то и дело подносил к ее рту и носу эфир и в конце концов совсем ее отключил. Ей сказали, что малышка прожила несколько минут, достаточно, чтобы ее успели крестить. Их ложь стала ее ложью, она и оказалась на надгробии. На деле Майри, возможно, потеряла и ребенка, и мужа в один день.

Обещанного письма она так и не дождалась. Где он погиб? Как погиб? Не зная страшных подробностей, она осталась наедине с собственными мыслями — с чудовищными мыслями, — и, не желая даже знать, какими были его последние минуты, представляла — с

внятной мучительной точностью, миллион раз, всегда по-разному. Господи, хоть бы то были и в самом деле минуты, а не часы или дни.

Воронья стая беспокойно снизилась, уселась рядом на каменной стене, нахохлилась. Иссиня-черные перья распушились, а головы втянулись, словно птицы подняли воротники пальто. Смотрели вороны укоризненно, с печалью, но, против обыкновения, воздерживались от всегдашних замечаний. Майри сосчитала птиц дважды.

Семь — к тайне, о которой не должен знать никто.

Тут она поняла, что никогда не узнает подробностей, не узнает, что случилось.

Ветер, пробиравший до костей, ворошил опавшие листья, пока они не сбились в смерчи, танцевавшие между могил. Майри присела и ощупала имена своего ребенка и мужа на черном камне.

Агнес.

Энгус.

Треть камня, у основания, была еще пуста. Оставалось место для еще одного имени, еще одной пары дат, и они-то будут точными.

Она стояла, не сводя с камня глаз. Вытерла платком глаза и нос; продолжая сжимать платок, обхватила себя руками и пошла прочь, через черную чугунную калитку, оставив ее качаться на ветру. Она направлялась к гостинице, вот только, дойдя до перекрестка, повернула влево, вместо того чтобы идти прямо.

Пошел легкий снег, но Майри, забыв про непокрытую голову и голые ноги, прошла мимо хутора Фаркаров. Ее бы там приняли, да и у Маккензи приветили бы, она видела, как светится рыжим огонь в их окнах, но шла мимо, стуча зубами, и руки и лодыжки у нее немели.

В конце концов слева от нее вырос замок, чьи величественные разрушенные башни торчали на фоне свинцового неба, словно обломанные зубы. Девочкой она играла за его стенами, знала, какие комнаты остались нетронуты, где нужно внимательно смотреть под ноги, где лучше всего прятаться, где укрывались влюбленные парочки. Они с Энгусом тоже так делали.

Снег шел все гуще, падал хлопьями, слипавшимися и таявшими на волосах Майри. Уши у нее давно перестали мерзнуть. Она натянула на озябшие руки рукава и прихватила их пальцами. Мимо караулки, мимо печи, сквозь высокую траву и сухой дрок, папоротник и чертополох, прямо к Водным воротам.

Наверху она остановилась, глядя на черное озеро. На его поверхности плясали тысячи белых гребешков, казалось, двигавшихся против течения. Говорили, что в озере воды больше, чем во всех водоемах не только в Шотландии, но и в Англии, и в Уэльсе, и что в нем есть кое-что еще. Ей всю жизнь не велели ходить на озеро, потому что глубина в нем начиналась резко, вода была страшно холодной, а на дне ждала Келпи.

Майри боком спустилась по склону, выпростав из рукавов заледеневшие пальцы, чтобы придержать подол пальто.

Когда она добралась вниз, у ее башмаков заплескалась вода. Возле берега озеро выглядело маняще мелким, оно скользило по камешкам и снова вбирало волну в себя. Майри шагнула вперед, и у нее перехватило дыхание, когда вода залилась в ее башмаки — холодная, такая холодная, и все же она ни разу не замерзла, ни разу за все время, что была здесь. Еще шаг, и снова Майри задохнулась. В воде вокруг ее щиколоток кружились осколки перламутра, маня вперед. Еще шаг, и она споткнулась, внезапно обнаружив, что вода доходит ей до колена. Шерстяное пальто Майри всплыло

нелепым зонтиком, сперва отталкивавшим воду, но в конце концов пропитавшимся и потянувшим ее на глубину. Майри оглянулась на берег с внезапным отчаянием. Будь у нее шляпка, она могла бы бросить ее на колючий дрок. Будь у нее хоть что-то, что могло бы остаться на воде, возможно, все подумали бы, что все вышло случайно, и ей позволили бы лечь рядом с дочкой. Может, решили бы, что ее забрала Келпи. А потом она вспомнила, что озеро никогда не отдает своих мертвецов, и раскинула руки, чтобы обнять его.

Глава 1

*Шотландские горы,
14 января 1945 года.*

— *Б*оже, вели ему остановиться, — сказала я, когда машину швырнуло на очередном повороте в кромешной тьме.

Прошло уже почти четыре часа, как мы покинули базу флота в Олтби и с тех пор неслись от поста к посту. По-моему, только там водитель и вспоминал про тормоза. У последнего поста меня обильно стошнило, я чуть не попала на сапоги часового. Он даже не потрудился проверить наши документы, просто поднял красно-белый шест и махнул нам с нескрываемым отвращением на лице.

— Водитель! Давай к обочине! — крикнул Эллис, сидевший на заднем сиденье между мной и Хэнком.

— Вряд ли тут обочину припасли, — ответил водитель с сильным шотландским выговором, роскошно раскатывая «р».

Остановился он посреди дороги.

Так и получилось. Выйди я из машины, оказалась бы по щиколотку в колючих зарослях и грязи, хотя едва ли это нанесло бы моим туфлям и одежде больший урон. Я с головы до пят пропиталась серой, кордитом и зловонием страха. Чулки мои превратились в паутину, висевшую на лодыжках, а алые ногти облупились и обломались. Волосы я последний раз укладывала на-

кануне отплытия из Филадельфии. Никогда прежде я не доходила до такого состояния.

Я свесилась из открытой двери и блевала, пока Эллис гладил меня по спине. На затылок мне падал мокрый снег.

Потом я выпрямилась и захлопнула дверь.

— Прошу прощения. Я все. Может быть, можно снять эти штуки с фар? Думаю, мне станет лучше, если я буду видеть, куда мы едем.

Я говорила о металлических пластинках с прорезями, которые наш одноглазый водитель прикрепил к фара́м, прежде чем мы выехали с базы. Они ограничивали поле зрения примерно тремя футами перед машиной.

— Нельзя, — весело отозвался он. — Затемнение же.

Когда он со скрежетом переключал передачу, голова моя болталась взад и вперед. Я согнулась и спрятала лицо в ладони.

Эллис похлопал меня по плечу:

— Мы, наверное, уже почти на месте. Как думаешь, от свежего воздуха тебе станет легче?

Я села, уронив голову на спинку дырявого кожаного сиденья. Эллис потянулся и со скрипом опустил стекло. Я подставила лицо холодному воздуху и закрыла глаза.

— Хэнк, ты не мог бы потушить сигарету? Пожалуйста?

Он не ответил, но по тому, как свистнул ледяной воздух, я поняла, что Хэнк выбросил сигарету в окно.

— Спасибо, — слабым голосом произнесла я.

Спустя двадцать минут, когда машина наконец-то остановилась и водитель заглушил мотор, мне так отчаянно хотелось оказаться на твердой земле, что я вывалилась наружу, прежде чем водитель успел открыть свою дверь, не говоря уже о моей, и приземлилась на колени.

— Мэдди! — тревожно воскликнул Эллис.